

Метемпсихоз у восточных славян*

Свидетельство о том, что русские верили в перевоплощение душ, можно найти в записках А. Т. Болотова (1764 г.), который зафиксировал подслушанный им разговор двух дворовых крестьян:

«“Вот”, сказал, вздохнувши, один: “Живи живи, трудись трудись, а наконец, умри и пропади как собака”. “Подлинно так”, — отвечал ему другой, — “покамест человек дышет, до тех пор он и есть, а как дух вон, так и ему конец”... Слова сии, — пишет Болотов, — привели меня в немалое удивление, но я больше удивился, как из продолжения разговора их услышал, что они и действительно душу с телом потерять думают. Не мог я долее терпеть сего разговора, но растворив окно, прикликал их к себе и им более сей вздор врать запретил. Они ответствовали мне, что лучше того не знают и про душу почти все они так думают; а как я их спросил, разве они про бессмертие души и про воскресение из мертвых никогда не слыхивали, то сказали они мне, что хотя в церкви кой когда про воскресение они и слышали, но то им непонятное дело и что тому стать невозможно, чтоб согнившее тело опять встало, а наконец, что им то достоверно кажется, что душа после смерти в других людей или животных преселится. Ужаснулся я, сие услышав, и от жалости о таком незнании их не мог, чтоб не сказать им вкратце, что им о смерти и о душе думать надлежит. Они благодарили меня за то и уверяли, что они сего никогда не знали, а как я им сказал, чтоб они о том и о прочем попов спрашивали и их себя учить заставляли, то, усмехнувшись, сказали они: “Учить, сударь, заставлять! Разве вы не знаете, что попы и *Господи помилуй* даром не скажут, а нам где, боярин, деньги брать?”»¹.

* Переиздание статьи, опубликованной в “Harvard Ukrainian Studies”, vol. XXVIII, 2006 (с. 639–650). Reprinted with permission. © 2009 by the President and Fellows of Harvard College.

¹ Болотов, 1933, с. 180. Любопытно, что один из крестьян допускал возможность самоубийства.

О том, что русские не верят в воскресение мертвых, сообщал иезуит о. Франциск Эмилиан (Franciscus Aemilianus) в письме от 23 июня 1699 г.: «Я нашел [в России] многих самой непорочной жизни, но ненаученных ничему в вере. Когда я предложил одному вопрос о воскресении мертвых, то он

Это свидетельство подтверждается этнографическими наблюдениями. Так, по представлению белорусов, «пока дитя не ходит, не говорит и мало понимает, оно называется “анёлкым” [ангелком]... [В случае смерти таких детей] есть редкое верование, что такие “анёлки” снова воплощаются в последующих детей своих родителей, и только за смертью последних остаются служителями Божиими навсегда. Бездетность родителей после умершего дитяти служит указанием, что такой “анёлык” или очень “сподыбався” Богу, или же “зацёрся” в сонме подобных ему, а потому и не возвратился к новому воплощению»². По другим представлениям, души умерших переселяются в новорожденных, когда смерть одного человека совпадает по времени с рождением другого³.

Особенно же распространено мнение, что люди на том свете превращаются в животных⁴. Так, «украинцы думают, что усопший бывает поочередно муравьем (насекомым), птицей, зверем, рыбою, и потом снова возрождается человеком; в литовском и волынском Полесье существует верование, что иногда, наказуя за грехи, Бог облакает душу человека в тело того или другого животного»⁵; согласно гуцульским представлениям, грешная душа должна выстрадать свои грехи: она становится мухой, осой, свиньей, конем, коровой и т. д.⁶ Точно так же

изумился, и нужно было довольно долго беседовать с ним, пока он убедился в этом» (Письма иезуитов, 1904, с. 29 и 233). В. Г. Короленко в «Истории моего современника» (кн. III, ч. I, гл. 3) передает разговор с крестьянкой из глухого района Вятской губернии: «Кто-то недавно передал ей новость: священник говорил в церкви, что со смертью человека не все еще для него кончено и что есть какая-то жизнь после смерти. “Я чаю, хлопает поп зря”, — сказала она категорически. “А по-твоему как же?” — спросил я ее с любопытством. “Пал да пропал — больше ничего”, — сказала она удивительно просто» (Короленко, VII, с. 21–22).

По свидетельству П. В. Шейна, белорусы «о бессмертии души так выражаются: “Ну куды тамь пойдзишь на той свѣтъ? Стухнишь, згнієшь ў гробу — воть и ўсё тутъ”» (Шейн, III, с. 13).

² Никифоровский, 1897, с. 46 (№ 298).

³ Толстая, 2000, с. 60–61.

⁴ Афанасьев, III, с. 214–230, 302–304; Афанасьев, 1996, с. 299–301; Мошинский, II, 1, с. 547–558 (§§ 448–454); Гура, 1997, с. 201, 311–312, 362, 373, 382, 405, 438–439, 486–488, 528–529, 533, 572–574, 586, 605, 616, 629, 637, 648–649, 668, 682, 706–707, 715.

⁵ Афанасьев, III, с. 302; см. также: Генерозов, 1883, с. 14. Сходные представления отмечаются у хлыстов (Барсов, 1869, с. 25).

⁶ Онищук, 1909, с. 49.

могут считать, что грешники превращаются на том свете в волов, свиней, собак и т. п.⁷ Ср.: душа «може ... за гріхи ... зглядно переходити в різні звірі, прим., пса, безрогу [свинью], муху, осу (яка провинна, така покута); коли чоловік курить люльку в неділю до служби Божої, то його душа перейде в кінську голову и буде у млаці [трясине] покутувати; як плював при курінні, то й буду душа слинити [плакати]. За нечистоту переходить душа у безрогу або шкапу [клячу]. Коли в першу, то добре, бо швидко спокутується; свиня пожеє з чотыри роки, її заріжуть і душа свободна; у шкапі ж мусить довго бідувати»⁸. Следует, однако, подчеркнуть, что превращение человека в животного не всегда связывается с наказанием за грешную жизнь, и мы можем предположить, что в этих случаях мы имеем позднейшую моралистическую трактовку, обусловленную христианскими идеологическими наслоениями. Достаточно характерно в этом смысле поверье, согласно которому в волов или коней превращаются как скупые богачи, так и щедрые бедняки⁹. В Полесье считают, что если Бог полюбит, то посылает душу в хорошую птицу, лошадь, корову, в противном же случае — в собаку, во вредную корову¹⁰; белорусы и поляки представляют души злых людей в виде черных воронов или ворон, а также черных голубей, тогда как души добрых людей предстают в виде белых голубей¹¹. При этом в образе животного того или иного вида может являться душа, покидающая тело не только постоянно (в случае смерти), но также и временно (в случае сна, который ассоциируется со смертью)¹².

Представления о перевоплощении души после смерти в человека или животное отразились и в причитаниях по покойнику, ср.:

Приди — появись, сердечно мое дитятко,
Хоть к крылечку приди добрым молодцом,
Хоть незнамой калекой перехожей [нищим],
Хоть купцом приди московским¹³.

⁷ Афанасьев, III, с. 303–304; Мошинский, II, 1, с. 549 (§ 448).

⁸ Гнатюк, 1991, с. 397.

⁹ Афанасьев, III, с. 304–305. Ср.: Онищук, 1909, с. 47–48; Коробка, 1902, с. 260–261.

¹⁰ Толстая, 2000, с. 74.

¹¹ Мошинский, II, 1, с. 553 (§ 450); Афанасьев, 1996, с. 300.

¹² Мошинский, II, 1, с. 548–549 (§ 447); Афанасьев, 1996, с. 295; Онищук, 1909, с. 47; Толстая, 2000, с. 67, 71. Ср.: Гура, 1997, с. 440–441, 454, 500–502, 605, 747.

¹³ Барсов, I, с. 104.

Покажись, приди, надежная головушка,
Хоть с подкустышка приди да серым заюшком,
Из под камышка явись да горностаюшком¹⁴.

Наконец, существуют многочисленные свидетельства о том, что так называемые «заложные» покойники (умершие неестественной смертью или без покаяния) могут превращаться в коня или в другую скотину и в качестве таковой служить нечистой силе, которой вообще достается душа такого покойника¹⁵. О возможности превращения заложного мертвеца в домашний скот может свидетельствовать и представление, что самоубийца — это «черту баран»¹⁶. Соответственно, заложные покойники могут являться людям в виде лошади, а также в виде барана или собаки¹⁷. Равным образом русалки, которые непосредственно отождествляются вообще с заложными¹⁸, могут изображаться в виде коня, как это выражается в обряде «вождения» или «проводов русалки»¹⁹. Можно полагать, что в подобных представлениях отразилась вообще вера перевоплощения душ в домашних животных — при том, что в случае заложных покойников предполагалось, что животные эти служат нечистой силе. Необходимо иметь в виду, что отношение к заложным покойникам в ряде случаев отражает вообще языческие представления о загробном мире и о мертвых. В то же время соответствующие представления не сводятся исключительно к заложным мертвецам. Соответственно, лошадиная голова может фигурировать в купальских обрядах, которые, будучи связаны с культом мертвых, кажется, не обнаруживают какой-либо специальной связи

¹⁴ Там же, с. 19.

¹⁵ См., например: Зеленин, 1916, с. 19–20, 70; Смирнов, 1922, с. 90; Смирнов, 1927, с. 8; Колчин, 1899, с. 20; Ончуков, с. 495; Добровольский, I, с. 373–374; Иванов, 1900, с. 84–85, 91–93; Семенова, 1898, с. 233; Афанасьев, 1914, с. 202–205; Садовников, 1884, с. 247 (№ 77); Балашов, 1970, с. 357 (№ 118); Померанцева, 1975, с. 42, 168, 179. Ср. также поверье о превращении заложных покойников в лягушек (Завойко, 1914, с. 102–103, 130; Гура, 1997, с. 382); о других перевоплощениях заложных см.: Гура, 1997, с. 373, 572, 586, 629, 668, 715.

¹⁶ Буслаев, 1861, с. 82; Иваницкий, 1890, с. 11.

¹⁷ Зеленин, 1916, с. 290, 303.

¹⁸ См. об этом: Зеленин, 1916; Зеленин, 1917.

¹⁹ См., например: Крюкова, 1947, с. 188–189; Зеленин, 1916, с. 245–248, 279–280, 305; Максимов, XVII, с. 168–170; Максимов, XVIII, с. 116. Ср. представление о «маре» (другая разновидность нечистой силы), являющейся в образе коня (Коробка, 1902, с. 260–261).

с заложными покойниками²⁰. Аналогичным образом объясняется, по-видимому, и вождение «бесовской кобылки» на святках, ср. в Челобитной нижегородских священников 1636 г., поданной царю и направленной на искоренение языческих обрядов: «И дѣлають, государь, лубяныя кобылки и туры и украшають полотны и шелковыми ширинками и повѣшивають колоколцы на ту кобылку, а на лица своя полагають личины косматыя»²¹; при этом тур может изображаться с лошадиной головой²². О святочном вождении кобылки говорится и в царском указе 1648 г., обличающем языческие обычаи: «накладывают на себя личины и платье скоморошеское, и меж себя наряда бесовскую кобылку водят»²³. В некоторых местах отмечается обычай водить коня на коляду, а также делать деревянную лошадь на масленицу²⁴. Соответствующие обряды могли иметь первоначальный поминальный смысл. Роль лошади (а также лошадиной головы, лошадиных костей и т. п.) в народной медицине²⁵ отвечает использованию в медицинских целях покойника или всего того, что с ним связано²⁶.

Итак, души усопших могут переселяться в домашний скот²⁷. Исключительно показательно в этом смысле представление о наличии у скотины души, которая — так же, как и душа женщины или иноверца, — обычно обозначается словом *пар*; душа в виде «пара» есть

²⁰ Ср., например, купальский обряд в Гродненской губ., где Купала изображается в виде лошадиной головы на шесте (Зеленин, 1914–1916, с. 452–453).

²¹ Рождественский, 1902, с. 24. Ср. затем в челобитной царю Федора Иванова, бывшего диакона московского Благовещенского собора, 1666 г.: «И мнози, мнози, видим, государь, поселяне, от неслышания слова Божия, живучи по селам своим, поклоняются солнцу, где с ними не [с]лучится образа, иконы Христовы и креста его, и лошадям поклоняются, и не токмо простию, но и наша братия, попы бедныя и диаконы, тако творят, не ведуще писания Божественнаго, ни силы в них» (Субботин, VI, с. 29). См. о почитании св. Георгия в виде коня: Успенский, 1982, с. 139.

²² Фаминцын, 1884, с. 238.

²³ Белкин, 1975, с. 176; Афанасьев, I, с. 607.

²⁴ Коробка, 1902, с. 261.

²⁵ См., в частности: Афанасьев, I, с. 635–637; Зеленин, 1914–1916, с. 299.

²⁶ См.: Успенский, 1982, с. 66.

²⁷ «По верованиям карпатских украинцев у животных, в отличие от людей, душа не выходит из тела в момент смерти, а остается в теле и погибает вместе с ним. И только если в этом животном “покутовала” (отбивала наказание) грешная человеческая душа, то после смерти животного она либо освобождается и уходит на небо, либо вселяется в какое-нибудь другое животное» (Толстая, 2000, с. 71).

и у собаки, видимо, потому, что собака также является домашним животным²⁸. В древнерусских грамматических руководствах можно встретить указание, что в тех случаях, когда речь идет о душе скотины, слово *душа* должна писаться полностью, а не под титлом²⁹. Наличие души объединяет домашних животных — прежде всего, скотину — с человеком, противопоставляя их другим животным, которые душой не обладают; исключение может делаться лишь для медведя³⁰, что само по себе показательно в виду представления о происхождении медведя из человека³¹. Приведем характерное высказывание: «У скотины такой же дух, как и у человека (тоже дух, а не душа), только что некрещенный, и... дух этот после смерти животного, так же, как и дух человека, 6 недель пребывает на земле, и... его тоже ангел водит 6 недель, указывая на дела добрые и худые, но скотина невинная, и она также встанет на Страшном Суде»³². В этом свидетельстве обращает на себя внимание представление о безгрешности скотины («скотина невинная...»): как известно, грех и душа — соотнесенные понятия в религиозном сознании, и душа представляется изначально

²⁸ Успенский, 1996, с. 119. Ср.: «В скоте да в собаке души нет, один только пар» (Даль, IV, стлб. 47).

²⁹ Ср.: «Дѣхъ гднь, дѣша і дѣшы сѣхъ і дѣховныя вся, пиши поД взметомъ. Дѣхъ лѣкавъ и доухы бѣсовская і доуша скотъ пиши складомъ» (Буковница, л. 134); «Дѣхъ сѣи ... і дѣшы праведныхъ ... і дѣхы слѣгы бжѣа гда ради вса сѣа покрыто, сирѣч поД взметомъ пиши ... Дѣхы же лѣкавыа бѣсы і дѣхъ простъ і дѣшѣ нечестиваго ... і дѣша скотъ ... вса таковаа складомъ пиши, не покрываа, понеже что покрыто пишется, то сѣо...» («Сила существу книжнаго письма» — Ягич, 1896, с. 421–422).

³⁰ Ср.: «У животных души не бывает, за исключением медведя, у которого она имеет вид щенка» (Мат. Тенишева, 1993, с. 145).

³¹ Успенский, 1982, с. 89. Ср. наименование «медведями» участников свадебного обряда (там же, с. 102–103, 163–165). Любопытно, что в древности с покойником могли хоронить как домашних животных, так и медведя (Городцов, 1914, с. 55, 65).

Точно так же может считаться, что собака происходит из человека (ср.: «Не бей собаки, и она была человеком» — Даль, IV, стлб. 334), и это может быть поставлено в связь с представлением о наличии у собаки души (пара).

³² Завойко, 1914, с. 125. Слово *дух* выступает здесь в значении «душа», ср. пояснение, полученное от того же информанта: «Души у человека собственно нет. “Душа” — это только бабье деревенское название; по-Божьему есть только “Дух”. После смерти человека дух от него уходит, и 6 недель его носят ангелы Господни на том месте, где человек грешил, указывая ему на дела худые и добрые» (там же, с. 87).

безгрешной³³. «Один крестьянин, занимавшийся продажей мяса и потому не мало убивший скота, — сообщает Г. Н. Потанин, — говорил мне, что ему всегда было жалко убивать теленка: “ведь он невинный ребенок”, — говорил он»; по убеждению этого крестьянина, люди грешнее зверей, и это мотивируется беспорядочными половыми сношениями: «Нам бы следовало раз в год, как это делают звери, а мы стали чаще; Богородица и прокляла нас: “тритесь же вы, как дверь на пята”, — сказала»³⁴. В Болгарии в окрестностях Велеса считают, что бык, ходящий под ярмом, — это ангел: «Не мучь ангелов, не бей ангелов», говорят тем, кто плохо обращается с такими быками³⁵. Соответственно, ягненка или теленка могли «крестить» в крестьянском быту, воспроизводя при обряд крещения³⁶. В России родильница при родах могла просить прощения как у «всех православных христиан», так и у домашних животных, за которыми она ходила и которых могла обидеть³⁷. Отсюда может объясняться и обыкновение называть скотину человеческими, крещеными именами (обыкновенно в уменьшительной форме — *Машка, Васька* и т. п.)³⁸, а также возможность произнесения заговоров за скотину (как бы от ее лица), где последняя именуется *раб Божий (раба Божия)* или же *пар Божий (пара́, парова Божия, созданье Божье* и т. п.)³⁹, ср.,

³³ Ср. выражения *взять грех на душу, кривить душой*, а также *душу ломать* «божиться, клясться, обманывая, заведомо говоря неправду» (СРНГ, VIII, с. 281).

³⁴ Потанин, 1899, с. 193.

³⁵ Мошинский, II, 1, с. 560 (§ 455).

³⁶ «Когда окотится овца, то ягненка на третий день крестят. Это делается так: поймают ягненка и несут его к топившейся печке, становятся его за загнетку против устьев и обливают водой; при этом дают ему имя, если баран, то “Ваня”, если ярка, то “Катя”. Потом окрещенного ребенка отдают крестному отцу (мальчику) и матери (девочке). Мальчик берет ягненка на руки и три раза обходит с ним вокруг стола» (Журавлев, 1994, с. 49–50). Цитируемое свидетельство относится к Орловской губернии; ср. аналогичное свидетельство о крещении теленка из Костромской губернии (там же, с. 50, 169).

³⁷ Степанов, 1906, с. 226.

³⁸ Мошинский, II, 1, с. 561 (§ 457). На русском Севере при ворожбе над скотом корову называют Анной, лошадь — Гаврилой (Черепанова, 1983, с. 57).

Вопрос о том, каких животных можно, а каких нельзя называть человеческими именами, заслуживает специального исследования. Ср.: Успенский, 1996, с. 152 (примеч. 44), ср. с. 147.

³⁹ Ср., например: «Пойдет пар Божий Черноношка [имя животного] благословясь, перекрестясь, из избы дверьми...» и т. п. (Астахова, 1928, с. 50–52. 57–58, 68).

наконец, причитания, произносимые от имени скотины на могиле хозяина⁴⁰. Не менее характерны обычные у великороссов причитания над околевшей лошастью или коровой⁴¹, сходные с причитаниями над умершим человеком. Обрядовые похороны скотины вообще в ряде отношений сходны с похоронами человека: так, скотину хоронили на специальном кладбище, причем возили туда — как зимой, так и летом — на санях; сани оставлялись на могиле полозьями вверх; скотину вывозили головой назад и провожали на кладбище всем народом (с каждого дома по человеку), и т. п.⁴² В яму, вырытую для скотины, кидали сахар, мед или кусок хлеба, обмазанного сметаной (с обращением к Матери Сырой Земле)⁴³, что соответствует бросанию денег в могилу, предназначенную для человека (в качестве платы «земельному хозяину»)⁴⁴. Обычай раскладывать костер

⁴⁰ Зеленин, 1914–1916, с. 411–412, ср. также с. 657. Причитаниям по покойнику, произносимым от имени скотины, соответствует представление о том, что скот тоскует по своему хозяину, ср.: «Пока тело покойника находится в доме, скот не загоняется в хлева, а помещается в гумне и других местах “сяльбы”, или же в соседних хлевах, чтобы меньше ему “задавалось жалю”» (Никифоровский, 1897, с. 288, №2220).

⁴¹ Зеленин, 1927, с. 325 (§ 132).

⁴² Завойко, 1914, с. 125–126; Иваницкий, 1881, с. 115; Богданов, 1916, с. 95–97, 115–116; Мошинский, II, 1, с. 560 (§ 456); ср.: Городцов, 1914, с. 54–55, 65–67; Городцов, 1916. Относительно аналогичных обрядов при похоронах людей см.: Анучин, 1890, с. 81–151 (вообще о роли саней в похоронных обрядах), 132–134 (переворачивание саней на могилах).

В. А. Городцов, описывая захоронения животных (скотины) VII–XI вв. в окрестностях Мурома, отмечал: «Ориентировка их [животных — при погребении] совпадает с господствующей ориентировкой людей; совпадает также и то, что они сопровождаются вещами, частью составляющими их сбрую, а частью составляющими несомненные дары. Последний факт, хотя и остается загадочным, представляет выдающийся интерес и, возможно, что им будет пролит особый свет на религиозные представления народа того времени. В конском погребении были найдены, кроме предметов конского снаряжения, принадлежности мужского снаряжения... и принадлежности богатого женского костюма»; отмечается также наличие человеческой утвари — топора, глиняных сосудов (Городцов, 1914, с. 66). Речь идет в данном случае, по-видимому, о финском племени, позднее смешавшемся со славянами.

⁴³ Соболев, 1914, с. 2.

⁴⁴ О бросании денег как выкупе за место в земле см.: Афанасьев, I, с. 577 (примеч. 3); Барсов, I, с. 306; Чубинский, IV, с. 710; Ящуржинский, 1898, с. 94; Иванов, 1909, с. 249–250; Балов и др., II, с. 88; Виноградов, 1923, с. 290;

на свежих могилах павших животных и прыгать через него⁴⁵ отвечает поминальному характеру купальских костров. «Из современных обычаев владимирских крестьян видно, — писал Вл. Богданов, — что погребение животных не связано с почитанием их, а с верованием в бессмертие “духа” животных»⁴⁶ — иначе говоря, с тем обстоятельством, что у животных есть душа.

Отметим еще обыкновение устраивать пасхальную трапезу для скотины, сопровождаемую особым молебном, причем приготавливаемый в этом случае корм именуется «скотской пасхой», по аналогии с названием творога, которым разговляются люди⁴⁷; пасха для скота может быть сопоставлена при этом с христосованием с мертвыми, когда на могилу кладется (или зарывается в землю) пасхальное яйцо и к покойнику обращаются с возгласом «Христос воскрес!»⁴⁸.

Как видим, отношение к домашнему скоту может разительно напоминать отношение к людям. Относящиеся к скотине обряды смыкаются при этом с обрядами, связанными с культом предков, и не случайно, видимо, при первом выгоне скота могли ходить на могильники с пирогами и вином с тем, чтобы прочесть там молитву о скотине: «Батюшка Егорий Макарий, спаси нашу скотинку...»⁴⁹. Полагаем, что это обусловлено весьма архаическими представлениями о переселении в скотину душ предков («родителей»)⁵⁰. Характерно в этом смысле представление о том, что душа умершего хозяина переходит

Генерозов, 1883, с. 35; Фридрих, 1972, с. 167; СРНГ, XI, с. 255. Ср.: Зеленин, 1914–1916, с. 1102.

⁴⁵ Завойко, 1914, с. 126.

⁴⁶ Богданов, 1916а, с. 97.

⁴⁷ Максимов, XVII, с. 111–112; ср. также: Сырку, 1913, с. 178.

⁴⁸ Снегирев, III, с. 48; Афанасьев, III, с. 290–291; Афанасьев, 1861, с. 24–26; Максимов, XVII, с. 122, 126–127, 133; Добровольский, II, с. 318; Романов, VIII, с. 177, 548; Макаренко, 1913, с. 164; Виноградов, 1918, с. 41; Семенова, 1898, с. 232; Никифоровский, 1897, с. 305 (№2300); Завойко, 1914, с. 100; Смирнов, 1920, с. 42, 45; Мельников, II, с. 428–429, 433; Чубинский, III, с. 28–29; Сырку, 1913, с. 178; Зеленин, 1927, с. 332 (§ 136); Мурко, 1910, с. 97.

⁴⁹ Мазо, 1975, с. 58.

⁵⁰ Ср.: «Домашний скот находится под особливим покровительством умерших предков. Недаром же “домовой” — олицетворение умершего предка, оставшегося “дома”, а не ушедшего в дальний мир, — ближе всего стоит именно к скоту» (Зеленин, 1913, с. 15). Характерно, что домашним животным усваивается способность видеть домового (Зеленин, 1914–1916, с. 264).

в быка или вола, душа хозяйки — в корову⁵¹; соответственно, к волу или коню могут обращаться, называя их «отцом»⁵².

Таким образом, в общей совокупности верований о перевоплощении душ могут быть выделены, видимо, верования о переселении душ людей в принадлежавшую им скотину — верования, которые так или иначе связаны с культом рода.

Цитируемая литература

- Анучин, 1890 — *Анучин Д.* Сани, лады и кони как принадлежность похоронного обряда // *Древности*, т. XIV. М., 1980.
- Астахова, 1928 — *Астахова А. М.* Заговорное искусство на реке Пинеге // *Крестьянское искусство в СССР*, сб. 2. Л., 1928.
- Афанасьев, I–III — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу, т. I–III. М., 1869.
- Афанасьев, 1861 — *Афанасьев А. Н.* Заметки о загробной жизни по славянским преданиям // *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России*, изд. Н. Калачевым, кн. 3. М., 1861.
- Афанасьев, 1914 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские легенды. [Казань, 1914].
- Афанасьев, 1996 — *Афанасьев А. Н.* Заметки о загробной жизни по славянским преданиям // *А. Н. Афанасьев. Происхождение мифа*. М., 1996.
- Балашов, 1970 — *Балашов Д. В.* Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970.
- Балов и др., I–IV — *Балов А., Дерунов С., Ильинский Я.* Очерки Пошехонья // *ЭО*, 1897, № 4, 1898, № 4, 1899, № 1–2, 1901, № 4.
- Барсов, I–III — *Барсов Е. В.* Причитанья Северного Края, ч. I–III. М., 1872–1886.
- Барсов, 1869 — *Барсов Н.* Русский простонародный мистицизм. СПб., 1869.

⁵¹ Виноградова, 1999, с. 154. В Белоруссии могут считать, что переживания усопшего передаются его любимой лошади, которую снаряжают для того, чтобы отвезти покойника на кладбище: «Если лошадь стоит бодро, покойник доволен всем, что делается ради него; но если та же лошадь “рыхмана” [покойника] вздыхает, стоит с опущенною головою, покойник чем-то обижен, жалеет оставленного дома и света» (Никифоровский, 1897, с. 288–289, № 2224). Соответственно, лошади, отвозящей покойника, на дворе и в воротах земно кланяются в ноги (там же, с. 289, № 2226), явно ассоциируя ее с ее усопшим хозяином.

⁵² Мошинский, II/1, с. 560 (§ 455, 456).

- Белкин, 1975 — *Белкин А. А.* Русские скоморохи. М., 1975.
- Богданов, 1916 — *Богданов Вл.* Древние и современные обряды погребения животных в России // ЭО, 1916, №3–4.
- Богданов, 1916а — *Богданов Вл.* [Рец. на: Городцов, 1914] // ЭО, 1916, №1–2.
- Болотов, 1933 — *Болотов А. Т.* Опыт нравоучительным сочинениям, 1. О незнании нашего подлого народа [1764 г.] // Литературное наследство, т. 9–10. М., 1933.
- Буковница — Буковница, рукопись 1592 г. (Российская Государственная Библиотека, ф. 173.1, №35). Относительно авторства см.: Успенский, 2002, с. 303 (§ 10.5).
- Буслаев, 1861 — *Буслаев Ф.* Русский быт и пословицы // Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861.
- Виноградов, 1918 — *Виноградов Г. С.* Материалы для народного календаря русского старожильского населения Сибири. Иркутск, 1918.
- Виноградов, 1923 — *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожильского населения Сибири // Сборник трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутского университета, вып. 5. Иркутск, 1923.
- Виноградова, 1999 — *Виноградова В. Н.* Материальные и бестелесные формы существования души // Славянские этюды: Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999.
- Генерозов, 1883 — *Генерозов Я.* Русские народные представления о загробной жизни. Саратов, 1883.
- Гнатюк, 1991 — *Гнатюк В. М.* Останки нехристиянського релігійного світопогляду наших предків // Українці: народні вірування, повіря, демонологія. Київ, 1991.
- Городцов, 1914 — *Городцов В. А.* Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. // Древности, т. XXIV. М., 1914.
- Городцов, 1916 — *Городцов В. А.* Погребения животных в муромских могильниках // ЭО, 1916, №3–4.
- Гура, 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Даль, I–IV — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 4, т. I–IV. СПб.; М., 1911–1914.
- Добровольский, I–IV — *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник, ч. I–IV. СПб.–М., 1891–1903.
- Журавлев, 1994 — *Журавлев А. Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. М., 1994.
- Завойко, 1914 — *Завойко Г. К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // ЭО, 1914, №3–4.

- Зеленин, 1913 — *Зеленин Дм.* Русские народные обряды со старой обувью // ЖС, 1913, вып. 1–2.
- Зеленин, 1914–1916 — *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества, вып. I–III. Пг., 1914–1916.
- Зеленин, 1916 — *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии, вып. I. Пг., 1916.
- Зеленин, 1917 — *Зеленин Д. К.* Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // Известия Академии наук, серия VI, т. XI, 1917, № 7.
- Зеленин, 1927 — *Zelenin D.* Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin; Leipzig, 1927.
- Иваницкий, 1881 — *Иваницкий Н. А.* Заметки о народных верованиях в Вологодской губернии // ЭО, 18991, № 3.
- Иваницкий, 1890 — *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, т. LXIX: Труды Этнографического отдела, т. XI, № 1. М., 1890.
- Иванов, 1900 — *Иванов А. И.* Верования крестьян Орловской губернии // ЭО, 1900, № 4.
- Колчин, 1899 — *Колчин А.* Верования крестьян Тульской губернии // ЭО, 1899, № 3.
- Коробка, 1902 — *Коробка Н. И.* К изучению малорусских колядок // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. VII, 1902, кн. 3.
- Короленко, I–X — *Короленко В. Г.* Собрание сочинений, т. I–X. М., 1953–1956.
- Крюкова, 1947 — *Крюкова Т. А.* «Вождение русалки» в селе Оськине Воронежской области // Советская этнография, 1947, № 1.
- Мазо, 1975 — Никольские песни, записанные в Никольском районе Вологодской области. Сост. *М. Мазо.* Л.; М., 1975.
- Макаренко, 1913 — *Макаренко А.* Сибирский народный календарь. СПб., 1913.
- Максимов, I–XX — *Максимов С. В.* Собрание сочинений, т. I–XX. СПб., *s.a.*
- Мат. Тенишева, 1993 — Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). Авторы-составители Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб., 1993.
- Мельников, I–VII — *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Полное собрание сочинений. Изд. 2, т. I–VII. СПб., 1909.
- Мошинский, I–II — *Moszyński K.* Kultura ludowa słowian, t. I–II. Warszawa, 1967–1968.
- Мурко, 1910 — *Murko M.* Das Grab als Tisch // Wörter und Sachen, Bd II, 1910.
- Никифоровский, 1897 — *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах... в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897.

- Онищук, 1909 — *Онищук А.* Матеріяли до гуцульской демонології // Матеріяли до української етнології. Видане Етнографічної комісії [Наукового Товариства ім. Шевченка], т. XI. Львів, 1909.
- Ончуков, 1909 — *Ончуков Н. Е.* Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). СПб., 1909.
- Письма иезуитов, 1904 — Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904.
- Померанцева, 1975 — *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
- Потанин, 1899 — *Потанин Гр.* Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // ЖС, 1899, вып. 1 (с. 23–60), вып. 2 (с. 167–235).
- Рождественский, 1902 — *Рождественский Н. В.* К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1902, кн. 2.
- Романов, I–IX — *Романов Е. Р.* Белорусский сборник, вып. I–IX. Киев; Витебск; Вильна, 1886–1912.
- Садовников, 1884 — *Садовников Д. Н.* Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884.
- Семенова, 1898 — *Семенова О. П.* Смерть и душа в поверьях и в рассказах крестьян и мещан Рязанского, Раненбургского и Данковского уездов Рязанской губернии // ЖС, 1898, вып. 2.
- Смирнов, 1920 — *Смирнов Вас.* Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 15. Кострома, 1920.
- Смирнов, 1922 — *Смирнов М. И.* Этнографические материалы по Переславль-Залесском уезду Владимирской губернии. М., 1922.
- Смирнов, 1927 — *Смирнов М. И.* Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде. По этнографическим наблюдениям // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея, вып. I. Переславль-Залесский, 1927.
- Снегирев, I–IV — *Снегорев И. М.* Русские простонародные праздники и северные обряды, вып. I–IV. М., 1837–1839.
- Соболев, 1914 — *Соболев А.* Обряд прощания с землей перед исповедью: Заговоры и духовные стихи. Владимир, 1914.
- СРНГ, I–XLV — Словарь русских народных говоров, вып. I–XLV. М.; Л./СПб., 1965–2012.
- Степанов, 1906 — *В. Степанов.* Сведения о родильных и крестинных обрядах в Клинском уезде Московской губернии // ЭО, 1906, № 3–4.
- Субботин, I–IX — Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. *Н. И. Субботина*, т. I–IX. М., 1875–1890.
- Сырку, 1913 — *Сырку П.* Из быта бессарабских румын // ЖС, 1913, вып. 1–2.

- Толстая, 2000 — *Толстая С. М.* Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор: Народная демонология. М., 2000.
- Успенский, 1982 — *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Успенский, 1996 — *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Б. А. Успенский. Избранные труды*, т. II. Язык и культура. Изд. 2-е, испр. и перераб. М., 1996.
- Фаминцын, 1884 — *Фаминцын А. С.* Скоморохи на Руси. СПб., 1889.
- Фридрих, 1972 — *Фридрих И. Д.* Русский фольклор в Латвии. Рига, 1972.
- Черепанова, 1983 — *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983.
- Чубинский, I–VII — *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статической экспедиции в Западно-Русский край. Юго-Западный отдел, т. I–VII. СПб., 1872–1878.
- Шейн, I–III — *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. I–III. СПб., 1887–1902.
- Ягич, 1896 — *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896.
- Ящуржинский, 1898 — *Ящуржинский Хр.* Остатки язычества в погребальных обрядах Малороссии // ЭО, 1898, № 3.

Сокращения

ЖС — «Живая старина»

ЭО — «Этнографическое обозрение»